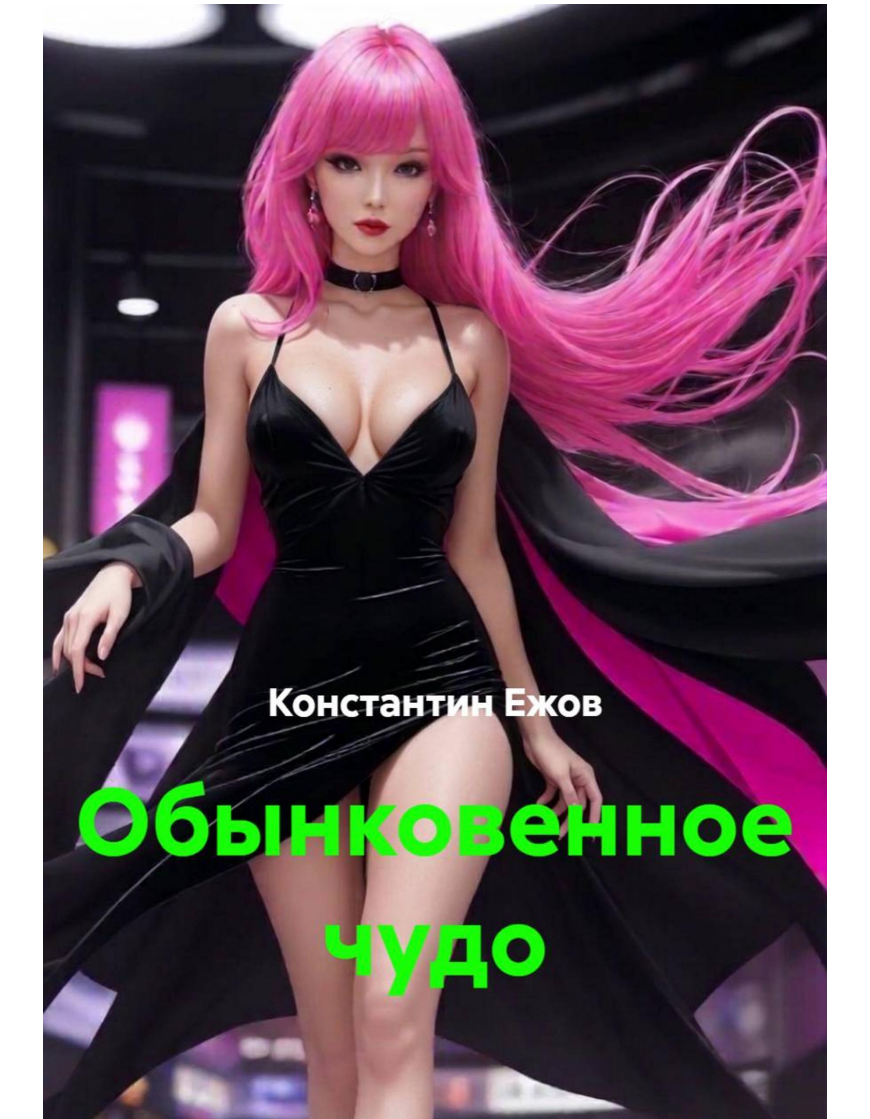

A woman with long, vibrant pink hair and bangs is the central figure. She is wearing a black, low-cut, velvet dress with a high slit and a long, flowing black cape that has a pink lining. She is also wearing a black choker and pink earrings. Her hair is blowing in the wind, creating a dynamic, flowing effect. The background is dark and out of focus, suggesting an indoor setting with some lights.

Константин Ежов

**Обыкновенное
чудо**

Константин Ежов

Обыкновенное чудо

<https://litres.ru/74674908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что будет, если влиятельный московский медиапродюсер — а втайне самый настоящий Волшебник — со скуки превратит домашнего сирийского хомяка своей жены в двадцатидвухлетнего парня? Казалось бы, ну что может случиться? И так бы оно и было, если бы не самое настоящее "но".

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Константин Ежов

Обыкновенное чудо

Глава 1

Окна пентхауса на Котельнической набережной упирались прямо в серое, набухшее майской прохладой московское небо. Внизу, сливаясь в глухой бесконечный гул, ползло Садовое кольцо.

Хозяин – в рунете его знали как топового медиапродюсера, способного из любого регионального флешмоба раздуть международный тренд, а в узких кругах просто как Волшебника – стоял у панорамного стекла и лениво помешивал ложечкой остывший эспрессо. На нем был безразмерный кардиган крупной вязки, а в глазах блуждала та самая опасная, мальчишеская скука, от которой у его пиарщиков обычно начинали подрагивать колени.

– Милый, ты опять за своё? – Хозяйка вошла в гостиную тихо, в мягких домашних тапочках, неся в руках пластиковый поддон от большой клетки. – Я же просила: никаких грозовых туч над Кремлем ради кадра. И куда ты девал Хому? Я ему свежих опилок купила, с запахом альпийских лугов.

Хозяин обернулся, улыбаясь одними уголками губ.

– Хома занят, дорогая. Он проходит экстренную социа-

лизацию. Я подумал, что колесо – это слишком предсказуемо для мыслящего существа. Крутишься, крутишься, а прощотры не растут.

Хозяйка замерла, подозрительно прищурившись:
– Алексей, подожди. Что ты сделал?

В этот момент тяжелая портьера из бельгийского льна в углу гостиной зашуршала, дернулась, и из-за неё наливным шагом – путаясь в полах шелкового мужского халата, явно снятого с барского плеча – выбрался юноша.

Юноша был высок, широкоплеч и ладно скроен, но двигался так, словно его тело только что собрали по шведской инструкции и забыли затянуть пару главных болтов. У него были круглые, невероятно блестящие карие глаза, растрепанная каштановая шевелюра и... совершенно неестественно раздутые щеки.

Юноша испуганно уставился на Хозяйку, сделал судорожное глотательное движение, отчего его кадык совершил сложный кульбит, и шумно выдохнул. Из его рта на паркет из карельской березы посыпались крошки. Много крошек.

– Он съел целую пачку галет "Любятово", – меланхолично пояснил Волшебник. – И, кажется, твой лавандовый раф, который ты оставила на барной стойке.

– О господи... – Хозяйка выронила пластиковый поддон. Тот с глухим стуком упал на ковер. – Хома?!

Юноша при звуках этого имени вздрогнул, мгновенно присел на корточки, втянул голову в плечи и принялся судо-

рожно, с невероятной скоростью перебирать пальцами возле лица, словно пытался умыться невидимой водой.

– Ну поднимись, поднимись, – Волшебник подошел к нему и похлопал по плечу. Юноша испуганно отпрянул, уставившись на продюсера с чисто грызунячьей смесью паники и злобы. – Познакомься, это Марина. Она тебя кормила семечками. Марина, это Хома. Двадцать два года по паспорту, я уже сделал ему цифровой профиль на Госуслугах, не благодари, не судим, к воинской службе годен условно из-за плоскостопия.

– Ты с ума сошел! – Марина подбежала к парню, который тут же попытался залезть под дизайнерский диван Minotti, но банально не пролез туда плечами. – Он же... он же крошечный был! Он сирийский, золотистый! Зачем ты превратил его в человека в Москве?! Тут люди друг друга сжирают, а он у меня даже от пылесоса в домик прятался!

– Вот именно поэтому, – Волшебник довольно зажмурился. – В Москве выживают только хищники или те, у кого очень толстая кожа. Мне стало интересно, что будет, если выпустить в этот аквариум абсолютно чистое, эгоистичное, но безобидное существо. Хомяк ведь как устроен? Моё не тронь, дай пожрать и отстаньте все. Идеальный кандидат в инфлюенсеры. К тому же, к нам сегодня едет Король.

Марина всплеснула руками:

– Опять этот твой Эдуард Георгиевич? Министр цифрового развития со всей своей свитой?

– Он самый. С дочкой. Саша, кажется. Настоящая принцесса из Барвихи, – Волшебник подмигнул Хоме, который к этому моменту обнаружил на журнальном столике вазочку с кешью и теперь горстями запихивал орехи в рот, смешно двигая носом. – Так вот, Хома. Слушай меня внимательно. Ты теперь человек. Можешь ходить на двух ногах, пить флэт-уайт, брать самокат в шеринг и даже завести аккаунт в Тиндере. Но есть одно "но". Закон жанра, понимаешь?

Хома перестал жевать. Его круглые глаза уставились на Волшебника с внезапным, глубоким осмыслением. Человеческий мозг, который ему достался, уже всюю обрабатывал информацию, и парню становилось по-настоящему жутко.

– Если тебя поцелует настоящая принцесса, – мягко сказал Волшебник, – ну, или в наших реалиях, девушка из высшего общества, которая полюбит тебя искренне, всей душой... ты в ту же секунду превратишься обратно. Станешь пятидесятиграммовым комочком шерсти. И Марина посадит тебя в клетку. С опилками. С запахом альпийских лугов.

Хома с трудом проглотил кешью. Голос у него оказался неожиданно приятным, легким баритоном, только слова он выговаривал слишком резко, словно щелкал зубами:

– Зачем... обратно? Мне тут... тепло. Простор. Потолки высокие.

– А затем, дружок, чтобы жизнь не казалась тебе малиной, – рассмеялся Волшебник. – Всё, марш в гардеробную. Марина, подбери ему что-нибудь из прошлогодней коллекции

Valenciaga, оверсайз сейчас в тренде, никто и не заметит, что он дикий.

Через два часа пентхаус наполнился шумом, который обычно сопровождает визиты крупных чиновников. Внизу, во дворе высотки, выстроились три черных Aurus'a. Охрана в строгих костюмах и с микрофонами в ушах вежливо, но непреклонно оккупировала лифтовой холл.

Сам Король – Эдуард Георгиевич, грузный мужчина с седыми висками и лицом человека, который смертельно устал от бесконечных совещаний – сидел в глубоком кресле и пил виски. Рядом наготове стоял его бессменный советник, Министр-администратор – подтянутый, лощеный мужчина в идеальном сером костюме-тройке, с айфоном, который, казалось, был продолжением его правой руки.

– Леша, я тебе говорю, этот новый законопроект по регулированию нейросетей нас задушит, – жаловался Король, лениво махая рукой в сторону Волшебника. – Мне нужны твои медиаресурсы. Нам нужно перебить повестку. Придумай что-нибудь... О, господи, а это кто?

Из коридора, спотыкаясь о собственный кроссовок, вышел Хома. Марина сотворила чудо: на парне были стильные широкие брюки, безразмерная черная футболка и джинсовка. Но вел он себя странно. Вместо того чтобы поздороваться, Хома боком, прижимаясь спиной к стене, прокрался к фуршетному столу. Охрана Короля синхронно положила ру-

ки на полы пиджаков, но Волшебник успокаивающе поднял ладонь:

– Свои, свои. Это мой новый протеже. Томас. Гений стрит-арта и абсолютный интроверт.

Министр-администратор тут же просканировал Хому взглядом, оценивая стоимость шмоток и потенциальный индекс цитируемости.

– Томас? Интересно. Какая цаха? Какой охват? – быстро заговорил Администратор, подходя ближе. От него пахло дорогим парфюмом с нотами кожи и табака.

Хома резко повернул к нему голову. Его ноздри затрепетали. Человеческий нос уловил то, что скрывали брендовые духи.

– От тебя пахнет... – Хома принюхался сильнее, его верхняя губа задергалась. – Пахнет крысой. Старой, подвальной крысой, которая сожрала чужой выводок.

В гостиной повисла мертвая тишина. Охранник у двери тихо кашлянул в кулак. Король Эдуард Георгиевич сначала округлил глаза, а потом вдруг оглушительно, на всю квартиру, расхохотался.

– Ха-ха-ха! Ай да Томас! Ай да сукин сын! Слышал, Администратор? Он тебя насквозь видит! Напиши-ка об этом в свой телеграм-канал!

Администратор даже не моргнул, лишь его улыбка стала еще более стеклянной. Он сделал пометку в телефоне.

– Очень... свежий перформанс, – процедил он. – Оценю

это как постмодернистский жест.

В этот момент стеклянная дверь, ведущая на огромную террасу, не просто приоткрылась, а распахнулась от резкого порыва невидимого ветра. Тихий джаз в гостиной мгновенно поглотила приглушенная, но ритмичная электронная пульсация, доносившаяся с улицы.

В проеме стояла Саша.

Если Хома был хаосом, то Саша была перформансом. Она не вошла, она "проявилась" в пространстве, как цифровая проекция, обретшая плоть. Её волосы были цвета фуксии, яркого, неонового розового, который в этом приглушенном свете казался светящимся. Часть их была зачесана назад, а длинный, роскошный шлейф волос, словно живой, развевался за её плечами, подхватываемый тем же загадочным ветром, который раскачивал её плащ. На бледном лице выделялась ярко-красная помада и пронизательный, дерзкий взгляд, а шею плотно облегал черный кожаный чокер с металлическим кольцом.

Её наряд был дерзким манифестом. На ней было облегающее черное платье-комбинация на тонких лямках, с глубоким вырезом и умопомрачительным разрезом, открывающим длинную, изящную ногу. Поверх него был наброшен огромный, безразмерный черный плащ-кейп, внутренняя сторона которого сияла тем же неоново-розовым цветом, что и её волосы. Плащ развевался, создавая вокруг неё драматический черный вихрь с розовыми вспышками.

– Папа, скука смертная, – сказала она, и её голос прозвучал как щелчок хлыста, чистый и звонкий, совершенно не сочетаясь с её вызывающим видом. – Мы едем, или мне вызывать свой вертолет?

При её появлении Охрана Короля выпрямилась еще сильнее, а Министр-администратор сглотнул, быстро спрятав телефон. Король Эдуард Георгиевич, до этого вальяжно сидевший в кресле, поспешно встал, вытирая вспотевший лоб платком.

– Александра... Доченька, мы же только приехали. Это... Леша. Продюсер. А это... – Король замялся, указывая на Хому. – Это его протеже.

Саша медленно, словно хищник, повернула голову. Её неоновро-розовые волосы метнулись за ней, и взгляд сфокусировался на Хоме.

Хома, который до этого момента успешно спрятал в карман уже четыре круассана и тянулся за пятым, замер. Пятый круассан медленно выпал из его пальцев. В его звериной, а теперь уже наполовину человеческой душе, произошел коллапс. Он никогда не видел ничего подобного. Это была не просто девушка. Это был сгусток света, цвета и опасной, притягательной энергии. Она была похожа на... на то самое колесо, которое крутилось быстрее всего, и которое ему так хотелось, но он никогда не мог догнать.

Саша сделала шаг вперед. Её подол развевался, открывая ногу в высокой шпильке. Неоново-розовые сполохи под-

кладки плаща отсветами заплясали на стенах пентхауса.

– А ты забавный, – сказала она, и на её губах с ярко-красной помадой появилась хищная, но не злая улыбка. – Зачем ты прячешь еду, если она стоит на столе?

Хома сделал судорожное глотательное движение. В его голове, вместо инструкций Волшебника, набатом бился единственный, чистый, звериный страх. И это был не страх стать хомяком. Это был страх не выдержать этой ослепительной близости. Ослепительно розовый цвет её волос в его сознании смешался с запахом опасности. Цена поцелуя была слишком высока. Он боялся потерять не свободу, он боялся потерять само право смотреть на неё.

– Ты... ты опасная, – хрипло выговорил Хома, выставя ладони вперед, словно пытаясь отгородиться от неё. – Очень опасная. Уходи.

Саша остановилась. Улыбка на её лице не исчезла, но стала более... осмысленной. Она посмотрела на его испуганные, круглые карие глаза, потом на крошки на его джинсовке. И вдруг, вместо скуки или презрения, в её дерзком, неоновом взгляде промелькнуло что-то теплое, что-то... человеческое.

Волшебник в углу комнаты тихонько поставил пустую чашку эспresso и довольно замурлыкал под нос какую-то мелодию. Он знал, что этот розовый вихрь вскрыет даже хомячье сердце. Шоу начиналось.

Шум правительственной тусовки за закрытыми дверями кабинета Волшебника превратился в глухой, едва различимый

мый гул. Король Эдуард Георгиевич уже вовсю подписывал какие-то срочные цифровые указы прямо на кухонном острове, Администратор раздавал пинки ассистентам, а Хозяйка пыталась оттереть пятна от лавандового рафа с бархатных кресел.

Саша и Хома остались в огромной сквозной гостиной наедине.

Неоновый свет её розовых волос разрезал полумрак комнаты, как лазерный луч звёздное небо. Саша медленно крутила в пальцах тонкий черный айфон, но даже не смотрела в экран. Её взгляд, острый и изучающий, намертво пригвоздил Хому к панорамному окну.

Парень чувствовал себя загнанным в угол. Он всё еще сжимал в руке злополучный круассан, который он так подобрал, пальцы дрожали, а в голове происходила настоящая ментальная катастрофа. Человеческие мысли, сложные, пугающие и глубокие, ворочались в его свежеиспеченном мозгу, как огромные шестеренки. Но животные инстинкты никуда не делись. Ему до безумия хотелось забиться в самую темную щель, натаскать туда сухих салфеток, забаррикадироваться и переждать эту розовую бурю.

– Ты так и будешь стоять у стекла, как экспонат на выставке? – Саша сделала шаг вперед. Её шпильки глухо и отчетливо цокали по дороговому паркету. Черный плащ-кейп колыхался при каждом движении, вспыхивая изнутри ядовитой фуксией. – Или ты немой? Папа сказал, что ты гений. Но по-

ка ты больше похож на человека, который впервые увидел цивилизацию.

Хома судорожно сглотнул. Он попытался выпрямиться, чтобы казаться солиднее, но джинсовка Balenciaga сидела на нем слишком мешковато.

– Я не немой, – его баритон прозвучал неожиданно твердо, хотя кончики ушей мгновенно запылали пунцовым цветом. – Я просто... считаю, что тебе нужно отойти. На безопасное расстояние. Метра на три. Лучше на четыре.

Саша остановилась. Она удивленно изогнула идеально очерченную бровь. На её губах, покрытых вызывающе красной помадой, заиграла опасная улыбка. Столичные мажоры, блогеры-миллионники и сынки министров обычно ползали перед ней на коленях, вымаливая секундное внимание. А этот странный парень с растрепанной каштановой шевелюрой и круглыми, испуганными глазами выставял перед собой ладони, словно защищался от радиации.

– Опасное расстояние? – Саша тихо рассмеялась, и этот звук показался Хоме звоном хрустальных колокольчиков. – Ты боишься, что я тебя укушу? Или у тебя аллергия на краску для волос?

– Ты хуже, чем аллергия, – честно сказал Хома. Он не умел врать, у хомяков в принципе нет гена лицемерия. – От тебя пахнет мятой и грозой. И у меня от этого запаха внутри всё начинает крутиться. Как... как сумасшедшее колесо. Сердце стучит так, что ребрам больно. Если ты подойдешь

еще ближе, случится ужасное.

Саша пристально посмотрела на него. В её дерзком, привыкшем к фальши и пафосу взгляде вдруг промелькнуло что-то совершенно иное. Удивление, смешанное с непонятным, колющим любопытством. Она сделала еще один шаг, проигнорировав его предупреждение. Теперь между ними оставалось чуть больше метра.

– Ужасное? – её голос стал тише, потерял наглую столичную развязность. – И что же? Мир рухнет? Мой папа уволит твоего Волшебника? Или ты просто сломаешься? Знаешь, Томас... или как тебя там... все парни в этой чертовой Москве сделаны из пластика и пиара. Они говорят правильные слова, дарят правильные цветы, возят в правильные рестораны. А в глазах у них – пустота и подсчет моих бюджетных перспектив. А у тебя в глазах... паника. Настоящая, живая паника. Это так странно. И так... цепляет.

Хома прижался спиной к холодному стеклу пентхауса. За его спиной на высоте тридцатого этажа сияла огнями ночная Москва, но он видел только её. Розовые пряди Саши слегка шевелились от сквозняка, чокер на шее тускло поблескивал. Парень чувствовал, как его человеческая душа, которая родилась всего пару часов назад, стремительно и безвозвратно растворяется в этой девушке. Он влюблялся в неё каждую секунду, каждым своим новым человеческим рецептором.

И это было невыносимо. Волшебник ведь не пошутил. Один поцелуй. Всего одно прикосновение этих ярко-крас-

ных губ к его щеке или губам – и всё. Неоновые огни Москвы погаснут. Он потеряет этот высокий рост, эти руки, способность говорить с ней, слышать её голос. Он превратится в крошечного, пушистого грызуна, которого завернут в полотенце и унесут в клетку. Он больше никогда не сможет защитить её, не сможет просто быть рядом. Он станет домашней игрушкой, узником деревянного домика и пластикового колеса.

– Не подходи, я тебя прошу, – в голосе Хомя звенящей струной натянулась самая настоящая, глубокая человеческая боль. – Ты не понимаешь. Ты думаешь, что это игра? Что я просто строю из себя загадочного художника? Да я бы... я бы все семечки мира, все сокровища отдал, чтобы просто стоять тут с тобой до утра. Чтобы взять тебя за руку. Но мне нельзя. Для меня это смерть.

Саша замерла. Её напускная театральность, этот защитный панцирь из плаща-кейпа и дерзкого макияжа, вдруг начали осыпаться, как сухая штукатурка. Она увидела, что парень не шутит. В его круглых глазах стояли самые настоящие, искренние слезы. Это была трагедия, масштаб которой она не могла понять, но ощущала её кожей.

– Смерть? – тихо повторила она, протягивая к нему руку. Её тонкие пальцы с безупречным маникюром замерли в нескольких сантиметрах от его лица. – Почему? Кто тебе угрожает? Мой отец? Волшебник? Скажи мне! Если кто-то пытается тобой манипулировать, я... я уволю всю папину

охрану, мы сядем в мою машину и уедем отсюда. Хочешь?

Хома посмотрел на её ладонь. Ему стоило огромных усилий не прижаться к ней щекой. Его хомячья натура требовала уткнуться в эту теплую руку и затихнуть. Но человеческий разум кричал о смертельной опасности.

– Никто мне не угрожает, кроме меня самого, – хрипло выговорил он. – Я слишком дикий для тебя. Чужой здесь. В этой вашей Москве, в этих платьях, в этих умных разговорах. Я не тот, кем кажусь. Если ты меня полюбишь, если ты меня поцелуешь... ты разрушишь всё. Я исчезну. Останется только пустота.

Саша смотрела на него, и в её груди зарождалось совершенно новое, незнакомое доселе чувство. Это не было мимолетным увлечением. Это была та самая, абсолютная, безумная любовь с первого взгляда, которая ломает любые логические стены. Розовый неон её волос словно стал еще ярче, отражаясь в стеклах окон.

– Мне плевать на правила, – прошептала она, делая последний, решающий шаг. Между их лицами осталось всего несколько сантиметров. От нее пахло так сладко и пронзительно, что у Хома закружилась голова. – Пусть рушится мир. Пусть исчезает всё. Я не отпущу тебя, Томас. Ты первый настоящий человек, которого встретила в этом городе роботов.

Она приподнялась на носочках, её глаза закрылись, а губы потянулись к его губам.

Для Хома это мгновение растянулось в вечность. Он видел приближение этих губ как приближение прекрасного, но смертоносного метеорита. Внутри него боролись два гиганта: безумное человеческое желание ответить на поцелуй и дикий, первобытный ужас перед возвращением в тесную, темную клетку.

"Нет!" – мысленно закричал он сам себе. Если он сейчас превратится, он разобьет ей сердце. Она увидит вместо парня хомяка и сойдет с ума от горя и непонимания. Он должен спасти её от этого знания. Должен спасти их любовь, даже если для этого придется сбежать.

В самый последний момент, когда Саша уже чувствовала его горячее дыхание, Хома резко, с животной прытью дернулся в сторону. Он проскочил под её рукой, едва не задев развевающийся плащ.

Саша распахнула глаза, потеряв равновесие, и едва не упала, но удержалась за фуршетный стол. Бокалы с шампанским жалобно и громко звякнули.

– Прости! – крикнул Хома. Голос его сорвался на высокой ноте. – Прости меня, Принцесса! Но я слишком сильно тебя люблю, чтобы стать зверем!

Прежде чем она успела что-то ответить или побежать за ним, Хома развернулся и с невероятной, неестественной скоростью бросился к выходу из гостиной. Он бежал зигзагами, ловко огибая дизайнерскую мебель, путаясь в широких штанинах Balenciaga. Он пролетел мимо опешившей охраны Ко-

роля, рванул на себя тяжелую дубовую дверь пентхауса и выскочил на лестничную площадку, даже не дожидаясь лифта.

Саша осталась стоять посреди пустой гостиной. Её неоноворозовые волосы поникли, шлейф плаща тяжело опустился на паркет. На ковре сиротливо лежал кроссовок парня, который тот обронил во время своего безумного побега.

Из темноты коридора медленно вышел Волшебник. Он держал в руках новый стаканчик с кофе и с грустной, понимающей улыбкой смотрел на дочь Короля.

– Сбежал, – тихо, как-то надломленно сказала Саша, не оборачиваясь. – Почему он сбежал, Алексей? Я же видела... он хотел быть со мной.

– Потому что он дурак, Сашенька, – мягко ответил Волшебник, делая глоток. – Самый настоящий, благородный, упрямый дурак. Он пытается перехитрить судьбу в городе, где даже навигаторы постоянно врут. Но ты не переживай. Москва большая, конечно. Но от настоящей сказки на спорткаре не уедешь. Посмотрим, на сколько его хватит в каменных джунглях.

Эдуард Георгиевич стоял посреди гостиной, держа в руке надкусанный круассан с лососем, который он машинально подобрал с пола после побега Хомя. Глаза чиновника округлились, а на лбу выступили крупные капли пота. Он переводил взгляд с кроссовки Томаса на свою плачущую дочь, чьи неоноворозовые волосы теперь уныло свисали вдоль блед-

ных щек.

Внутри него в этот момент происходил мощный тектонический сдвиг. Последние три года его жизнь состояла из бесконечных и безуспешных попыток выдать Сашу замуж. Он подсовывал ей сыновей банкиров, перспективных айтишников из Сколково, молодых и лощеных сынков депутатов. Но Саша лишь презрительно кривила губы и уезжала на ночные гонки. Эдуард Георгиевич уже окончательно разуверился в том, что его дочь вообще способна испытывать человеческие чувства. А тут, на ровном месте, какой-то диковатый парень в оверсайзе довел принцессу Патриарших до настоящих, живых слез.

– Так, – Король решительно швырнул круассан в урну и повернулся к Министру–администратору. – Ты это видел? Она влюбилась! Настоящий взрыв! Администратор, объявляй план "Перехват". Паренька нужно ловить. Ловить на живца, то бишь на Сашеньку. Она будет нашей приманкой.

– Разумеется, Эдуард Георгиевич, – Администратор мгновенно застрочил что-то в своем айфоне, его глаза хищно блеснули. – Объявим в розыск через городские камеры с распознаванием лиц. Напишем в прессе, что это новый пиар-проект. Куда он денется в одном кроссовке?

Остаться в пентхаусе у Волшебника дальше было невозможно. Окна квартиры продюсера выходили на все четыре стороны, но это было частное пространство, не приспособленное под масштабную охоту. Королю требовался полно-

ценный оперативный штаб со спецсвязью, круглосуточным сервисом и возможностью разместить всю свою свиту вместе с охраной.

– Мы переезжаем, – скомандовал Король, застегивая пиджак. – Тут неподалеку, на Ордынке, есть шикарный пятизвездочный отель-бутик "Кремлевский замок". Там и обоснуемся. Сашеньку закроем в люксе, пусть страдает для правдоподобности. Парень точно придет к ней.

Бутик-отель "Кремлевский замок" встретил свиту Короля идеальной тишиной, мраморными полами и ароматом дорогого селективного парфюма. Кортёж из трех Аурусов заблокировал тихий переулок, и охрана черной волной хлынула в лобби, оттесняя редких постояльцев.

На беду Короля, именно в этот вечер в отеле находился его полноправный владелец. Трактирщик, так сказать – а в московском мире бизнеса просто Эмиль – лично инспектировал главный ресторан на первом этаже. Это был импозантный мужчина за пятьдесят, в безупречном бархатном пиджаке бордового цвета, с аккуратной седой бородкой и цепким взглядом ресторатора, который повидал на своем веку всех столичных авторитетов, начиная с девяностых годов.

Эмиль вышел в лобби, услышав топот тяжелых армейских ботинок охраны. Его лицо мгновенно приняло выражение вежливой, но непоколебимой гордости.

– Эдуард Георгиевич! Какими судьбами? – Эмиль раски-

нул руки для объятий, хотя его глаза оставались холодными. – Неужели министерская проверка? Или решили лично оценить мою новую винную карту?

– Не до вина сейчас, Эмиль, – буркнул Король, тяжело дыша. – Нам нужен весь верхний этаж. Президентский люкс для Саши и еще десять номеров для сопровождения. У нас тут... государственное дело чрезвычайной важности. Ловим одного неуловимого художника.

В этот момент из-за спины Короля вышла Саша. Её плащ-кейп зловеще шуршал по мрамору, а неоновые волосы цвета фуксии казались инородным телом в этом классическом интерьере с золотой лепниной.

Эмиль посмотрел на Сашу, потом на Администратора, который уже вовсю раздавал указания портье, и сразу всё понял. За тридцать лет работы в гостиничном бизнесе Москвы Трактирщик научился читать людей как открытые книги.

– Государственное дело, говорите? – Эмиль понимающе усмехнулся, подзывая жестом старшего менеджера. – Больше похоже на шекспировскую драму с участием спецслужб. Хорошо, президентский люкс в вашем распоряжении. Но учтите, Эдуард Георгиевич: в моем заведении разбивать сердца запрещено уставом. Здесь люди должны находить покой, а не устраивать засады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.